

Д.А. Олицкая

ОБРАЗЫ СИБИРИ В НЕМЕЦКОЙ ПАРАЛИТЕРАТУРЕ XIX И XX вв.¹

Аннотация. В статье выявляется место Сибири как одного из самых заметных географических и социокультурных пространств на «ментальной карте» современных немцев, с опорой на исследования немецких гуманитариев выделяются основные составляющие образа Сибири, определяющие восприятие региона в немецком коллективном сознании. На материале произведений К. Мая и Х. Конзалика рассматриваются репрезентации образа Сибири как воображаемого локуса в немецкой паралитературе XIX и XX вв., которые отражают процессы конструирования Западом образа России в рамках цивилизаторского дискурса. Оценивается влияние массовой литературы на формирование стереотипов и клише, послуживших основой немецкого ментального образа Сибири.

Ключевые слова: образы Сибири, немецкая массовая литература, «воображаемая география», К. Май, Х. Конзалик.

В современных исследованиях литературы и культуры очевиден интерес к изучению «воображаемых географий», возникший в контексте осуществившегося в гуманитарной науке второй половины XIX в. «пространственного поворота» (spatial turn), который не только актуализировал существующие концепции пространства (М. Бахтин, Ю. Лотман), но и обогатил научную парадигму новыми идеями и подходами. Перешагнув границы географии, пространство стало интерпретироваться «как носитель социальных и символических значений» и как «продуктивный участник культурных процессов» [1. С. 5]. В рамках имажинативных географий пространство трактуется как подвижный конструкт, формирующийся из его географических, геополитических, социокультурных образов в коллективном восприятии [2]. Автор термина «вообра-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Администрации Томской области № 17-14-70006 ОГН СИБ-А и программы повышения конкурентоспособности ТГУ («Фонд им. Д.И. Менделеева», проект № 8.1.17.2018).

жаемые географии» Эдвард Саид в своём фундаментальном труде «Ориентализм» подчеркивает «совершенно произвольный характер» границ и различий имажинативных пространств, а также определяющую роль медиа в их конструировании и распространении [3. С. 54].

В силу эмоционального воздействия и образного языка тексты художественной литературы становятся наиболее активными посредниками «воображаемой географии»: от изобретения пространства в процессе творческого воображения до концептуализации и распространения его характерных примет в форме локальных мифов. Последнее же в еще большей степени касается текстов массовой литературы, формирующих и отражающих (стерео)типизированные коллективные представления о «чужом».

Интересный объект исследования в свете идеи о воображаемых географиях представляют собой образы Сибири в современной литературе и культуре Германии. Изучение Сибири как значимого локуса мирового геокультурного пространства через обращение к словесной культуре региона в общероссийском и европейском контекстах является задачей обширного проекта, осуществляемого силами томских филологов в рамках исследовательской деятельности центра «Транссибирский научный путь» (TSSW), созданного в Национальном исследовательском Томском государственном университете. Одно из магистральных направлений данного проекта представляет исследование творческого восприятия наследия европейской литературы и театра в Сибири в 1880–1910-х гг. — уникального с точки зрения историко-культурной значимости комплекса литературно-художественных текстов, системно раскрывающего важнейшие черты культурного сознания региона сквозь призму имагологической парадигмы [4]. Результаты уже осуществленных исследований не только подтверждают широкую включенность немецкого текста в данную парадигму, но раскрывают его конститутивную роль в восприятии разных иноязычных литературных течений [5]. Также они заставляют задуматься и об «обратном» имагологическом векторе, связанном с изучением репрезентаций образа Сибири в немецком культурном сознании.

Не вызывает никакого сомнения, что Сибирь является одним из заметных географических и социокультурных пространств на «ментальной карте» современных немцев (ментальная карта предполагает присвоение пространства через субъективное наполнение образа территории различными значениями). Их особое отношение к этому российскому региону заметил, например, родившийся в Москве и эмигрировавший в 1990 г. в Германию, а ныне популярный там писатель Владимир Каминер. В 2006 г. немецкая газета «Die Welt» опубликовала отрывок из его книги, который был озаглавлен «Süße Sehnsucht Sibirien» («Сладкая ностальгия по Сибири»):

Уже 11 лет я нахожусь в Германии и не устаю удивляться сильному, даже какому-то нездоровому интересу местных жителей к Сибири. Этот регион притягивает немцев так же, как русских – Париж. “Откуда вы родом? Из Сибири?”, – часто спрашивают меня немолдые люди. <...> Когда они узнают, что я не из Сибири, а из Москвы, они теряют всяческий интерес к беседе. Ни в какой телепрограмме мира нет столько документальных фильмов о чудесном сибирском крае, как на немецком телевидении. Это происходит уже на протяжении десятилетий. Каждый год на Рождество немецкие телезрители отправляются в воображаемое путешествие по тайге. С чашкой глинтвейна и теплым пледом на коленях путешествовать по Сибири особенно приятно. <...> То же самое – в книжной индустрии. Как только где-нибудь в мире выходит книга о Сибири, все равно, любовный ли это роман или научные результаты геолого-разведочной экспедиции, она сразу же переводится на немецкий язык. Никакой народ мира не обладает такой обширной литературой о Сибири, какая создана в Германии [6].

Несмотря на то что экзотизация Сибири, как и всей России, изначально является для Каминера продуманным коммерческим ходом и используется им для создания желаемого образа автора, его утверждения имеют под собой вполне реальную почву. Об этом свидетельствует целый ряд исследований немецких ученых, посвященных данной теме. Основываясь на них, можно сделать вывод, что немецкий образ Сибири проявляет все признаки имаголо-

гического (инонационального) мифа – «устойчивого ментального образования, порождаемого коллективным сознанием в процессе схождения с другой культурой при чувственном, нерациональном сопоставлении его со “своим”» [7. С. 16].

В проанализированных нами исследованиях немецких гуманитариев можно выделить три основных наблюдения. Во-первых, в восприятии современных немцев Сибирь является географической точкой, в которой локализуется все пространство России. Как пишет Кристина Энгель, обратившаяся к образу Сибири в немецком телевизионном дискурсе, в коллективном сознании немцев Россия и Сибирь неотделимы друг от друга, так как Сибирь для немцев – это все, что севернее и восточнее Москвы. Поэтому на воображаемой немецкой карте России, считает К. Энгель, по сути, существуют только Москва, Петербург и Сибирь [8. S. 103–104]. В связи с этим закономерен вывод немецкого историка Евы-Марии Штольберг о значительной роли, которую играют представления о Сибири в общем русско-немецком межкультурном диалоге. Именно Сибирь, по ее мнению, во многом утверждала существующие коллективные представления немцев о России в целом [9].

Во-вторых, немецкие исследователи подчеркивают устойчивость стереотипных образов Сибири, транслируемых в современную немецкую культуру в самых разных жанрах и дискурсах, будь то художественная литература, мемуары, травелог или путеводитель. В частности, Отто Хабек, автор проекта «Культурные ландшафты Сибири», профессор Института этнологии Общества Макса Планка отмечает, что образ Сибири, который сложился в сознании как западных, так и восточных немцев в последние десятилетия, по-прежнему замкнут в привычный круг ассоциаций: бескрайние просторы, трескучие морозы, тучи комаров, ссылка и рабочие лагеря, добыча полезных ископаемых, нефтепроводы и железная дорога [10]. Того же мнения придерживается немецкий славист и культуролог Том Юргенс. С его точки зрения, в XX в. немецкая поп-культура активно эксплуатировала клише и стереотипы о Сибири, возникшие еще в позапрошлом столетии на страницах очерков первых немецких путешественников, затем закрепившиеся в

массовой литературе конца XIX и XX вв. и, наконец, перековавшие на телевизионные экраны¹ [11]. При этом, как утверждает К. Энгель, новые научные разыскания и доступность более достоверной информации не приводят к значительным изменениям существующих в коллективном сознании немцев культурных представлений о Сибири, так как слишком велико желание сохранить образ, «не испортить уже привычную картину» [8. S. 102]. Необходимо отметить, что такую точку зрения немецких исследователей в целом разделяют и российские германисты, подчеркивающие, что основные открытия в восприятии друг друга русской и немецкой культурой были сделаны в XIX в., именно тогда сформировались «те элементы русской культурной мозаики, которые находили отражение в немецком сознании» [12. С. 229].

Наконец, размышляя над причинами привлекательности Сибири в глазах немцев и устойчивости сложившегося образа, исследователи акцентируют амбивалентность его характеристик, которая отчетливо маркирует область «чужого» и подчеркивает мифологический характер представлений о нем. В частности, Е.-М. Штольберг говорит о сложившемся в сознании немцев образе Сибири как «земли контрастов» («Land of Extremes»). Начиная с ранних путевых заметок, Сибирь воспринимается как неразделимое единство противоположностей: она настолько же притягательна, насколько опасна (*schön/ schaurig*) [9]. К. Энгель считает, что в этом парадоксальном сочетании положительных и отрицательных коннотаций заключается принципиальное отличие Сибири от образов других стран и регионов в немецком восприятии, например, от «исключительно гармоничного и прекрасного» образа Италии [8. S. 101].

На страницах немецкой массовой литературы образ Сибири возникает уже в конце XIX в., с этого времени она становится источником формирования и трансляции представлений о далеком крае для широкого читателя. Давая в своей работе краткий обзор некоторых авторов и произведений, Е.-М. Штольберг прежде всего

¹ По мнению автора работы большое влияние на формирование представлений о Сибири оказали экранизации романа Й.-М. Бауэра «*So wei die Füße tragen*».

показывает, как складывалась в немецком коллективном сознании семантика основных полюсов в восприятии Сибири. При этом тяготение к одному из полюсов восприятия не исключало, а лишь редуцировало или затеняло до определенной степени присутствие другого, в результате чего образ Сибири всегда оставался неоднозначным. В немецкой приключенческой литературе и литературе путешествий 1880–1930-х гг. (К. Май, П. Этингхофер, Э. фон Каффер и др.) Сибирь предстает пространством экзотики и авантюры, сказочно богатым и свободным краем, но в то же время и пространством суровой стихии, выживания, возникает миф о Сибири как о русском «диком Востоке». Этот образ сменяется противоположным, отягощенным комплексом негативных значений, в литературе о ссыльных и пленных, представленной преимущественно автобиографическим жанром – наследием двух мировых войн (Эрих Э. Двингер, Т. фон Штакельберг, Й.М. Бауэр). Сибирь обретает семантику места изоляции, принудительного труда, болезней и голода, места страданий («сталинский ад») [7]. Но и здесь остается место для идеализации и романтизации, объектами которой прежде всего выступает сибирская природа.

В рамках данной статьи нам хотелось бы обратиться подробнее лишь к двум репрезентативным примерам – произведениям Карла Мая и Гюнтера Конзалика, которые оказали большое влияние на формирование мифов, стереотипов и клише, послуживших основой ментального образа Сибири в немецком коллективном сознании XIX и XX вв. соответственно.

Первый – это Сибирь в романе «Немецкие сердца – немецкие герои» («*Deutsche Herzen – Deutsche Helden*») Карла Фридриха Майя (1842–1912), одного из самых издаваемых и переводимых немецких писателей, автора популярных приключенческих романов (200 млн изданий по всему миру, около 100 млн в Германии). Из биографии К. Мая известно, что в молодости он не раз оказывался в заключении, так как из-за нищеты и в силу авантюрного склада характера промышлял мошенничеством и кражами. В совокупности будущий «немецкий Фенимор Купер» провел в тюрьме около семи лет своей жизни. Предположительно именно там, будучи

назначен ответственным за тюремную библиотеку, Май сначала увлекся чтением приключенческой литературы, а затем начал писать свои истории, главным образом адресованные юношеской аудитории. Сквозными героями в них являются отважные путешественники по самым отдаленным уголкам света, как правило, немецкого происхождения, шутя расправляющиеся с преступниками.

Объемное наследие писателя включает в себя более 90 томов, но наибольшую известность как в Германии, так и за ее пределами получила написанная им всего за несколько месяцев в 1893 г. тысячестраничная трилогия романов-вестернов о вожде апачей Виннету и его белом друге Олде Шеттерхэнде, ставшая в XX в. классикой приключенческого жанра, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания, переводы на другие языки, экранизации (особенно 1960-х гг.), радиоспектакли, театральные постановки и т.д. Вследствие огромной популярности романов Мая созданный им образ благородного индейского дикаря – присвоенный западной культурой образ «другого», несущий в себе «репрессированные» черты европейца, – повлиял на формирование представлений о северо-американских индейцах у нескольких поколений немецких читателей и сегодня уже получил свое первое научное осмысление в контексте концепции ориентализма Э. Саида [13].

В целом же воображаемая география романов-путешествий Мая, не покидавшего во время их написания пределов Саксонии, необычайно широка и простирается далеко за пределы американского Дикого Запада. Только в так называемом восточном цикле она охватывает территории Балкан, Османской империи, Сахары и Ближнего Востока. Сам Май, а также его немецкие издатели настойчиво возвращали среди читателей миф о писателе-путешественнике, повествующем о своих приключениях от первого лица. На самом деле мнимая достоверность в описании далеких стран опиралась исключительно на богатую фантазию и умелую работу с доступными источниками: географическими картами, путеводителями, учебниками истории, заметками путешественников, научными отчетами экспедиций и работами по антропологии, которые Май абзацами цитировал в своих произведениях.

Образ Сибири впервые возникает в одном из ранних рассказов Мая («Nach Sibirien», 1878), действие которого разворачивается в России, в городе Великий Устюг. Сибирь становится в рассказе справедливым возмездием преступникам, так как там они обречены на смерть. Хотя Сибирь обозначается как место ссылки, представление о ней как о гибельном пространстве связано с суровыми природными условиями, это царство холода – отправленные зимой в сибирскую ссылку преступники замерзают еще в пути. Данная ключевая черта топоса Сибири как экзотического, неведомого пространства получает выражение в гиперболизированной метафоре «холодный Север» («der kalte Norden»)¹ [14].

Более обширно образ Сибири представлен в уже упомянутом нами романе Мая «Немецкие сердца – немецкие герои», который был написан им по заказу издательства Генриха Готхольда Мюнхмайера в 1885–1888 гг. Текст романа насчитывал около двух с половиной тысяч страниц и на протяжении трех лет знакомил публику с увлекательными приключениями юного Германа фон Адлерсхорста. Поиск следов благородной семьи, из-за роковых обстоятельств оказавшейся рассеянной по всему миру, приводит главного героя и двух его друзей сначала в Северную Африку, затем на Дикий Запад и, наконец, в «самое дикое место в мире» – Сибирь. Посвященная сибирским приключениям третья часть романа получила название «Ангел ссыльных» («Engel der Verbannten»), а после переработки романа издателями Мая в начале 1900-х гг. до сих пор публикуется как в собраниях сочинений писателя, так и отдельно под заголовком «Охотники на соболя и казаки» («Zobeljaeger und Kosake»).

Географически описанное в романе Мая пространство маркировано некоторыми сибирскими топонимами, позволяющими условно соотнести его с территорией Северного Забайкалья. К ним относятся города Верхнеудинск (ныне Улан-Уде), в котором проходят ярмарки и стоит казачий острог, Иркутск, фигурирующий в романе как резиденция губернатора, Нерчинск, относившийся в

¹ Здесь и далее перевод мой. – Д.О.

XIX в. к Иркутской губернии и являвшийся местом политической каторги и ссылки, а также озеро Байкал. Непосредственным местом действия является вымышленный город Платова (Platowa), имеющий однако вполне реальные географические ориентиры, он «расположен на реке Амга, которая впадает в Алдын, один из притоков Лены» [15].

Не подлежит сомнению, что в этих географических маркерах, как и в обилии российских и сибирских реалий (Тројка, Kibitka, Zabolniki, Sotnja, Perednjaja и т.д.), описаниях нравов и уклада жизни сибиряков, создающих у читателя ощущение экзотического, но реального пространства, нашли широкое отражение доступные автору материалы о Сибири его немецких современников, учёных и путешественников, которые в романе получили определенную имагологическую интерпретацию. С большой вероятностью одним из источников такого рода для автора мог являться труд Георга Адольфа Эрмана, немецкого физика, с 1828 по 1830 г. совершившего кругосветное путешествие по Северной Азии, Тихому и Атлантическому океанам с целью создания сети точных геомагнитных наблюдений Земли [16]. В ходе своей экспедиции он посетил северную часть Урала, проделал путь из Тобольска в Иркутск, откуда в конце лета 1829 г. добрался до Камчатки. Как известно, Эрман занимался не только геомагнетизмом, в Сибири он встречался со ссыльным декабристом А.А. Бестужевым¹, а среди прочих наблюдений и исследований значительную часть его труда составили этнографические записки, очевидные переклички с которыми обнаруживаются в тексте романа Мая. Кроме этого, в «Атласе к Эрмановскому путешествию вокруг света» упоминается и город Верхнеудинск.

Сибирь в романе Мая воплощает представления Запада о России как загадочном и диком «чужом», в контексте процессов колонизации образ Сибири выстраивается по образцу американского Дикого Запада, черты которого приобретают закономерный с точ-

¹ Известным литературным фактом является поэма в двух частях «Ссылные» А. Шамиссо, написанная по рассказам и записям Г.-А. Эрмана.

ки зрения западных имагитивных географий гиперболизм. В глазах главных героев романа русский Восток оказывается еще более диким, чем американский Запад. В первую очередь это выражается в насыщенных соответствующими эпитетами описаниях природы Сибири, мифологизирующих огромные, неосвоенные человеком пространства дикой тайги и тундры (пустынный, глухой, бесконечный) и невыносимый холод (страшный, невозможный, лютый). Вынести такие условия жизни могут только сибиряки либо ссыльные, ибо все они «сделаны совсем из другого теста», что не под силу «американским трапперам, свободно разгуливающим по опасным лесам Миссисипи».

Представления о сказочных богатствах Сибирского края, формирующие его образ как ресурсной кладовой, читатель романа в полной мере получает из колоритного описания костюма дочери тунгусского князя, сшитого из «самых дорогих и редких соболей» и обильно украшенного золотом, серебром и алмазами. В силу удаленности территории от центра империи и отсутствия должного государственного контроля в Сибири, как и на Диком Западе, царит не только свобода, но и беззаконие. В романе рисуется отрицательный образ государевых людей, в Сибири особенно жадных до легкой наживы. Чтобы попасть к губернатору, главному герою приходится пройти через комнаты трёх чиновников, каждый из них требует взятку, сумма которой с каждым разом возрастает. От местного населения он узнает об основных законах суровой жизни в Сибири: «Небо высоко, а царь далеко», «Царь далеко, а тюрьма близко».

Отдельного внимания заслуживает в романе Мая собирательный образ населения Сибири, который репрезентативен в плане имагологических установок автора, прочитываемых в контексте процессов культурного конструирования образа «другого» эпохой Просвещения [17] уже на уровне заглавия романа («Немецкие сердца – немецкие герои»). Гельмут Шмидт, один из наиболее активных немецких исследователей творчества Мая, усматривал в них очевидное проявление следов национализма, широко распространенного в беллетристике XIX в., в которой «чужое» было все-

гда ниже (minderwertig) “своего”, примитивно в сравнении с ним и, в лучшем случае, выглядело чем-то безобидно-нелепым» [18].

Ключевую роль в сюжете романа играют тунгусы как представители коренных сибирских народов, часть из них несет службу в забайкальском казачьем войске. В соответствии с общим конструируемым в рамках цивилизаторского дискурса образом Сибири как русского дикого Востока в характеристиках населяющих его людей на первый план выходит тема их недоцивилизованности, маркированная в описаниях прилагательным «полудикий» (halbwild) и реализующаяся сразу в нескольких мотивах. В описании зимней ярмарки в Верхнеудинске, которым открывается повествование, звучит мотив угрозы, исходящей от «настоящего *столпотворения народов*», которое «даже бывалому человеку *внушает ужас*». Далее повествователь все же уточняет, что в своем большинстве сибирские народы характеризуются скорее мирным нравом, чем внушающими опасность качествами. К нему добавляется мотив «азиатскости», которая выступает как синоним дикости в описаниях забайкальских казаков: «Многие *полудикие, азиатские* народы, живущие около озера Байкал, организованы в военные части, они несут пограничную службу и зовутся забайкальскими казаками». Кроме того, в описаниях казаков-тунгусов присутствует и мотив варварства, выраженный, прежде всего, в таких их чертах, как невежество и безбожничество, суеверие. Читатель узнает, что тунгусы верят в духов, а шаманы имеют на этот народ намного больше влияния, чем священники на своих прихожан в Европе.

Наивность и легковерие тунгусов, которые в отдельных эпизодах романа откровенно высмеиваются и охотно используются приехавшими в Сибирь европейцами в своих целях, напрямую связываются ими с местом обитания, оторванным от цивилизации. Но образ «сибирского дикаря» имеет в романе и другую семантическую проекцию, подразумевающую иное, чем в европейской цивилизации, отношение человека с окружающим природным миром. С этой точки зрения коренные народы Сибири воплощают в романе образ «естественного», не развращенного цивилизацией

человека, им дарованы крепкое здоровье, острый слух, способность выживать в самых суровых условиях, они умелые пловцы, наездники, охотники, руководствуются прежде всего своими чувствами, не способны на предательство. Одной из заслуживающих похвалу нравственных черт в системе европейских ценностных координат выступает в романе доброта жителей Сибири, которую они проявляют по отношению к ссыльным. Сибиряки ставят замороженное молоко и хлеб у окон для беглецов, скитающихся зимой по деревням и селам, в связи с чем повествователь замечает, что сибиряки особенно выделяются среди всех русских именно этой добродетелью.

Изображение ссыльных в романе заметно идеализируется, а сибирская ссылка выступает центральным образом, раскрывающим весь деспотизм российского государственного устройства. Сибирь предстает пространством, где в результате ненадлежащего управления «необъятной империей» томятся и гибнут «либо совсем невинные, либо совершившие незначительные проступки» люди. Видение цивилизаторской роли Запада в романе реализуется через двух персонажей, в финале неожиданно раскрывающих свое немецкое происхождение. Дочь тунгусского князя Карпарла, получившая имя «Ангел ссыльных», и Ссыльный № 10, в котором главный герой романа узнает своего пропавшего родственника Георга фон Адлерсхорста, организуют в Сибири спасение беглых ссыльных, укрывая их в тайной пещере и под видом местного населения переправляя в безопасное место.

Дикий край, в котором живут дикие люди, – такое представление о Сибири, но с поправкой на идеологию транслируют и приключенческие романы-бестселлеры Хайнца Гюнтера Конзалика (1921–1999), получившие широкую популярность в Германии во второй половине XX в.

Конзалик изучал медицину, театральное искусство и германистику в Кёльне, в юности состоял в организации «Гитлерюгенд», в 1939 г. работал в гестапо. Во время Второй мировой войны был военным корреспондентом во Франции, затем солдатом попал на Восточный фронт, где был тяжело ранен под Смоленском. Данный факт биографии наложил значительный отпечаток на его произве-

дения, подавляющее большинство которых посвящено теме Второй мировой войны, чаще всего её центральному эпизоду – войне на Восточном фронте. Первый значительный успех писателю принес роман «Сталинградский врач» («Der Arzt von Stalingrad»), опубликованный в 1956 г. и повествующий о немецком враче, после поражения под Сталинградом более десяти лет находившемся в русском плену. По мнению современной немецкой критики, роман полон «клише из немецких 1950-х», а созданный автором «героический образ милосердного и самоотверженного немецкого врача», по своим морально-нравственным и профессиональным качествам превосходившего русских военных врачей, не соответствует очевидной исторической правде [19]. Безусловно, роман Конзалика выражал общую тенденцию восприятия войны против СССР и поражения под Сталинградом как её главного события в Западной Германии первых послевоенных десятилетий, создавая миф о «чистом» вермахте. Конзалик принадлежал к тому большинству авторов, которые, оправдывая войну с Советским Союзом как оборонительную, «ставили в центр своих повествований страдания немецкого солдата, не очень задумываясь об общеисторическом контексте» [20]. При этом жертвы войны с советской стороны в этих произведениях обычно не упоминаются, а описания России и русских не выходят за рамки стереотипов. Тематика романов Конзалика, действие которых происходит в послевоенное время, определялась реалиями холодной войны и образом России как восточного противника. Какую же роль сыграла Сибирь в формировании и закреплении стереотипов о России в его произведениях?

В 1960–1970-х гг. Конзаликом в общей сложности было написано более 150 романов, общий тираж которых составил свыше 85 млн. Во многих из них Сибирь, определявшаяся автором в географическом отношении как территория России, лежащая за Уралом, стала постоянным локусом воображаемой географии. Непосредственно в Сибири происходит действие романов «Die Verdammten der Taiga» («Проклятые тайгой»), «Ninotschka, die Herrin der Taiga» («Ниночка – хозяйка тайги»), «Liebesnächte in der Taiga» («Ночи любви в тайге»), «Der Himmel über Kasachstan»

(«Небо над Казахстаном»), «Das sibirische Kreuz» («Сибирский крест»), «Kosakenliebe» («Казачья любовь»), «Das Wilde Land» («Дикая страна») и др.

В них, как следует из перечисленных названий, за Сибирью закрепляется символическая репрезентация России как пространства, попадая в которое люди прокляты и вынуждены до конца жизни нести свой крест. Сибирь предстает перед немецким читателем как самая большая тюрьма Советского Союза, вся её территория испещрена сторожевыми вышками («Сибирский крест») [9]. Помимо этого она служит местом расположения секретных военных объектов, на возведении которых работают заключенные («Ночи любви в тайге»). Так Конзалик формирует образ Сибири, транслирующий идеологический миф о Советском Союзе как символе угрожающего Европе с Востока тоталитаризма, однако следует подчеркнуть, что имагологическое основание этого образа остается неизменным – это акцент на азиатской, чуждой Западу природе российской цивилизации, дикие черты которой в Сибири проявляются особенно заметно.

В изображении Конзалика вся Россия представляет собой «азиатский ландшафт», главным проявлением которого является бескрайнее пространство (Weite), именно оно становится доминирующим мотивом в его произведениях. Это пространство служит воплощением «чужого», т.е. «русского», нагружено негативными коннотациями (огромный, холодный, враждебный, беспощадный, вероломный, варварский, смерть, ночь) и противопоставлено «своему» обозримому пространству (Enge), заряженному обратными коннотациями [21. S. 91]. В Сибири такое пространство, «поглощающее человека, как песок воду», проявляет свои крайние, агрессивные формы:

А немислимые просторы этой страны? Кто сможет победить Россию? Если даже ему удастся преодолеть Уральские горы, останется только опуститься на колени и молиться: перед ним Сибирь, вот где открывается непостижимость этой страны. Кому придет в голову захватить бесконечность? («Женский батальон»).

Характеристики пространства переносятся и на человека, в соответствии с образом врага основными чертами русских солдат являются жестокость и коварство, они выступают как насильники, преступники и убийцы, способные на настоящие зверства. Образ сибирской тайги используется Конзаликом, чтобы показать, что русскому человеку изначально свойственно дикое животное начало, в тайге он чувствует себя на равных со зверем. Роман «Женский батальон» начинается с эпизода, в котором муж главной героини Стеллы погибает в тайге от лап медведя. Стелла хранит на груди ампулу с кровью мужа и выслеживает медведя до тех пор, пока ей не удастся его убить. После этого она совершает ритуал мести, выливая кровь мужа в пасть медведя. Такие женские образы, воплощающие жестокие проявления русской, т.е., с точки зрения автора, азиатской натуры, их зооморфность, типичны для романов Конзалика и усиливают конструируемое им представление о русских как об опасной, дикой нации.

Сквозь призму Сибири Россия рисуется в романах Конзалика как оторванная от современной цивилизации и культуры страна. В наиболее известном, пожалуй, сибирском романе Конзалика «Ночи любви в тайге», экранизированном в ФРГ (1967), спасающиеся от КГБ бегством в тайгу главные герои (русская девушка Людмила Баранкова, работавшая на расположенной в Сибири ракетной базе, и американский разведчик Фрэнк Хеллер) добираются до деревни, которую повествователь называет колонией. В ней за высоким частоколом в рубленых избах вместе с домашней живностью обитают сибирские отшельники, ведущие практически первобытный образ жизни и подчиняющиеся законам общины. Дикий нрав жителей тайги проявляется в полной мере, когда они, решив избавиться от чужаков, привязывают их к деревьям, растущим над обрывом, и начинают рубить их стволы. Образ Сибири, а с ней и всей России как дикого Востока дополняется набором говорящих эмблематических реалий: красная звезда, снег, икона, водка, шкуры животных, кнут и т.д. Как отмечает Е.-М. Штольберг, штампы и стереотипы из романов Конзалика, вплетенные в увлекательный детективный сюжет и любовные приключения героев, имели

огромное влияние на целое поколение немцев. Добавим, что о том, насколько прочно произведения Конзалика вписали образ Сибири в «ментальную карту» немцев, позволяют судить произведения современных немецких писателей, посвященные сибирской теме.

Автор травелога о России «Сибирский маятник» (Das sibirische Pendel, 2005), писатель и переводчик Элмар Шенкель отмечал, что одной из целей его путешествия в Россию стало стремление освободиться от навязанных ему литературных клише: «Мне хотелось в безлюдные края, в тундру и тайгу Конзалика или Живаго, на край цивилизации, я хотел оказаться вдали от всех книг, от печатного слова... Оно постоянно вводит нас в заблуждение и морочит переживаниями, которых мы лишены. Я хотел в чашу, в Сибирь, чтобы обрести свободу» [22]. «Тайга Конзалика» невольно всплывает и в сознании главного героя романа о Сибири «Новичок» («Der Neuling», 2009) немецкого писателя Михаэля Эбмайера. Оказавшись в сибирской тайге, немецкий менеджер Маттиас Блойель вдруг вспоминает, что ее первый образ он почерпнул из «низкопробного чтива» – романа Конзалика «Ночи любви в тайге» – примерно в 12 лет, «слишком рано для того, что находилось примерно в двух тысячах километров за железным занавесом и что, судя по всему, никогда не суждено было увидеть» [23]. Эти примеры свидетельствуют об устойчивости сконструированного немецкой массовой литературой XIX–XX вв. образа Сибири как объекта воображаемой географии, но также и о стремлении к его демифологизации через собственное, индивидуальное постижение, тенденцию к которой обнаруживает современная литература Германии.

Таким образом, рассмотренные нами тексты К. Мая и Х. Конзалика как авторов, пользовавшихся каждый в свое время огромной популярностью в Германии, показывают, что немецкая массовая литература XIX–XX вв. активно обращалась к образу Сибири при формировании общего образа России в рамках восходящего еще к эпохе Просвещения «колонизаторского» (цивилизаторского) дискурса (К. Май), получившего после событий двух мировых войн дополнительное идеологическое измерение (Х. Конзалик). В этом

контексте воображаемая Сибирь являлась локусом, наиболее очевидно выражавшим культурную дистанцию России по отношению к Западу, выступала как территория, особенно нуждающаяся в его цивилизаторском влиянии. На примере образов Сибири и сибиряков в произведениях К. Мая и Х. Конзалика в немецкой массовой литературе XIX–XX вв. обнаруживается тенденция характерного для колониционной парадигмы статичного изображения русского «чужого», акцентирующего его дикое азиатское начало, однозначно противопоставленное «своему» западноевропейскому культурному началу.

Литература

1. Розенхольм А., Савкина И. Картографируя популярное // Топографии популярной культуры : сб. ст. / ред.-сост. А. Розенхольм, И. Савкина. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 408 с.
2. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.htm> (дата обращения: 26.10.2018).
3. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 637 с.
4. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Олицкая Д.А., Горенинцева В.Н. и др. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия (учебно-практическое издание). Томск : Изд-во ТГУ, 2016. 204 с.
5. Серягина Ю.С. Немецкая поэзия XVIII–XIX веков в сибирской печати 1880–1910 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 13. С. 57–75.
6. Die Welt о необъяснимой любви немцев к Сибири. Тайга.инфо. URL: <https://taiga.info/91932> (дата обращения: 1.09.2018).
7. Королёва С.Б. Миф о России в британской литературе (1790–1920-е годы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2014. 39 с.
8. Engel Ch. Sibirien in deutsch(sprachigen)en Fernsehedokumentationen // Sibirien. Russland. Europa. Fremd-und Eigenwahrnehmungen in Literatur und Sprache. Hamburg, 2013. 278 s.
9. Stalberg E.-M. Siberia as a Mental Map in German Imagination // Sibirskaja zaimka, elektronnyj žurnal. URL: <http://zaimka.ru/stalberg-siberia/> (дата обращения: 4.09.2018).
10. Habeck J.O. Kulturlandschaft Sibirien // Jahrbuch des MaxPlanck-Instituts. 2005. S. 161–166. URL: <http://www.mpg.de/863491/forschungsSchwerpunkt1?c=166398> (дата обращения: 28.08.2018).
11. Jürgens T. Unser täglich Sibirien gib uns heute. Imaginäre Geographie als deutsche Popkultur // Osteuropa. 2007. № 5. S. 201–214.

12. Чугунов Д.А. Образ России в современной немецкой литературе: проблемы и моменты восприятия // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 229–247.

13. Perry N. Karl May's Winnetou: The Image of the German Indian. The Representation of North American First Nations from an Orientalist Perspective. Monreal, 2006. 82 p.

14. Nach Sibirien. Von Emma Pollmer. URL: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/primlit/erzaehl/reise/sibirien/nach-sibirien.php> (дата обращения: 14.09.2018).

15. May K. Deutsche Herzen – Deutsche Helden. Der Engel der Verbannten. Projekt Gutenberg – DE. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/deutsche-herzen-deutsche-helden-5-der-engel-der-verbannten-6565/1> (дата обращения: 15.09.2018).

16. Erman A. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin : Reimer, 1833–1842. 603 s.

17. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения : пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

18. Koch E. Famoses Land, dieses Sibirien, und allerliebste Verhältnisse! Zum historischen Hintergrund von Mays Sibirien-Abenteuer in «Deutsche Herzen Deutsche Helden». URL: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/seklit/JbKMG/1986/185.htm> (дата обращения: 12.10.2018).

19. Der Arzt von Stalingrad. WRD. URL: <https://www1.wdr.de/stichtag/stichtag-tag3186.html> (дата обращения: 24.20.2018).

20. Степанова Е. «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом // НЛЮ. 2010. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html> (дата обращения: 24.20.2018).

21. Harder M. Erfahrung Krieg. Zur Darstellung des Zweiten Weltkrieges in den Romanen von Heinz G. Konsalik. Mit einer Bibliographieder deutschsprachigen Veröffentlichungen des Autors von 1943–1996. Würzburg : Königshausen und Neumann, 1999. S. 320.

22. Schenkel E. Das sibirische Pendel. Eggingen : Edition Isele, 2005. 231 s.

23. Ebmeyer M. Der Neuling. Zürich : Kein und Aber Verlag, 2009. 285 s.

IMAGES OF SIBERIA IN GERMAN PARALITERATURE OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 18, pp. 44–64.

DOI: 10.17223/23062061/18/3

Olitskaya Daria A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.olitskaya@mail.ru

Keywords: images of Siberia, German paraliterature, imagined geographies, K. May, H. Konsalik.

Siberia is a most significant geographical and sociocultural space on the “mental map” of modern Germans, which is confirmed by the following conclusions from the

studies of German scholars: 1) modern Germans perceive Siberia as a geographical point where all of Russia is located; 2) stereotypical images of Siberia, actively translated into modern German culture in a variety of genres and discourses, show surprising stability; 3) the vibrant ambivalence of Siberia's image (schön / schaurig) is what explains its stability as well as attractiveness for Germans. Due to their broad appeal, the works by Karl May and Heinz Konsalik had a great influence on the formation of myths, stereotypes and clichés that formed the basis for the mental image of Siberia as an object of imaginative geography in the German collective consciousness of the 19th and 20th centuries. Karl Friedrich May (1842–1912) was the author of popular adventure novels (200 million publications worldwide, about 100 million in Germany). In his novel *Deutsche Herzen – Deutsche Helden* (1885–1888), Siberia epitomises Western ideas about Russia as a mysterious and wild “alien”. In the context of colonisation, the image of Siberia is modeled similar to that of the American Wild West, whose features are hyperbolized in the Western imaginative geographies. May's collective image of Siberian population is especially representative in terms of his imagologic attitudes related to the cultural design of the image of the “other” during the Enlightenment. Following them, May describes the Tungus as primarily undercivilised people, which is realised in several motifs simultaneously (threat, asiaticism, barbarism) and marked with the adjective “halbwild”. Adventure bestsellers by Heinz Günther Konsalik (1921–1999) gained wide popularity in Germany in the second half of the 20th century (over 150 novels with the total circulation of more than 85 million copies). Many of them represented Siberia as a permanent locus of imaginative geography (*Die Verdammten der Taiga*, *Ninotschka*, *Herrin der Taiga*, *Liebesnächte in der Taiga*, *Das sibirische Kreuz*, etc.). In Konsalik's novels, the image of Siberia translates the ideological myth of the Soviet Union as a symbol of totalitarianism threatening Europe from the East. However, the imagological basis of the image remains unchanged – the emphasis on the Asiatic nature of Russian civilization, alien to the West, with its wild features becoming especially apparent in Siberia. In Konsalik's novels, the whole of Russia is an “Asian landscape” extending over an infinite space (Weite). It epitomises “alien”, i.e. “Russian”, carrying negative connotations (huge, cold, hostile, merciless, etc.) and opposed to “own” space (Enge), which carries positive connotations. In Siberia, this space manifests its extreme and, aggressive forms. Konsalik employs the image of the Siberian taiga to show that the Russians have a beastly nature, which reinforces his idea of the Russians as a dangerous and wild nation. Thus, the German mass literature of the 19th–20th centuries actively employed the image of Siberia to form the general image of Russia within the colonial (civilizing) discourse of the Enlightenment (K. May) that received an additional ideological dimension after the two world wars (H. Konsalik). In this context, imaginary Siberia was the locus that most clearly expressed Russia's cultural remoteness from the West. Siberia was represented as a territory that especially needed a civilising influence. The images of Siberia and Siberians in the works by K. May and H. Konsalik demonstrate a tendency to create static representations of the Russian “aliens”, whose wild Asiatic nature was undoubtedly opposed to “own” West

European culture, which was typical within the colonisation paradigm of German paraliterature of the 19th and 20th centuries.

References

1. Rozenkholm, A. & Savkina, I. (2015) Kartografiruya populyarnoe [Mapping popular]. In: Rozenkholm, A. & Savkina, I. (eds) *Topografii populyarnoy kul'tury* [Topography of Popular Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Zamyatin, D.N. (2000) Fenomenologiya geograficheskikh obrazov [Phenomenology of geographic images]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 46. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/fenom.htm>. (Accessed: 26th October 2017).
3. Said, E. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism]. Translated from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Russkiy mir.
4. Nikonova, N.E., Seryagina, Yu.S., Olitskaya, D.A., Gorenintseva, V.N. et al. (2016) *Perevody nemetskoy literatury v dorevolutsionnoy periodike Sibiri* [Translations of German literature in Siberian pre-revolutionary periodicals]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Seryagina, Yu.S. (2017) German poetry of the 18th-19th centuries in the Siberian periodicals of the 1880s-1910s. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 13. pp. 57–75. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/13/4
6. Kaminer, V. (2006) *Die Welt o neob'yasnimoy lyubvi nemtsev k Sibiri* [Die Welt about the inexplicable love of the Germans to Siberia]. Translated from German. [Online] Available from: <https://tayga.info/91932>. (Accessed: 1st September 2018).
7. Koroleva, S.B. (2014) *Mif o Rossii v britanskoy literature (1790-ye–1920-ye gody)* [The myth of Russia in British literature (the 1790s–1920s)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Nizhniy Novgorod.
8. Engel, Ch. (2013) Sibirien in deutsch (sprachigen)en Fernsehedokumentationen [Siberia in German (spoken) TV documentaries]. In: Hansen-Kokoruš, R. (ed.) *Sibirien. Russland. Europa. Fremd-und Eigenwahrnehmungen in Literatur und Sprache* [Siberia. Russia. Europe. Foreign and self-perceptions in literature and language]. Hamburg: Verlag Dr. Kovac.
9. Stolberg, E.-M. (2005) *Siberia as a Mental Map in German Imagination*. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/stolberg-siberia/>. (Accessed: 4th September 2018).
10. Habeck, J.O. (2005) Kulturlandschaft Sibirien [Siberian Cultural Landscape]. *Jahrbuch des MaxPlanck-Instituts*. pp. 161–166. [Online] Available from: <http://www.mpg.de/863491/forschungsSchwerpunkt1?c=166398>. (Accessed: 28th August 2018).
11. Jürgens, T. (2007) Unser täglich Sibirien gib uns heute. Imaginäre Geographie als deutsche Popkultur [Our everyday Siberia give us this day. Imaginary geography as German pop culture]. *Osteuropa*. 5. pp. 201–214.
12. Chugunov, D.A. (2004) *Obraz Rossii v sovremennoy nemetskoy literature: problemy i momenty vospriyatiya* [The image of Russia in modern German literature:

problems and moments of perception]. *Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnyye nauki – Proceedings of Voronezh State University. Humanities*. 2. pp. 229–247.

13. Perry, N. (2006) *Karl May's Winnetou: The Image of the German Indian. The Representation of North American First Nations from an Orientalist Perspective*. Montreal: [s.n.].

14. Pollmer, E. (n.d.) *Nach Sibirien. Von Emma Pollmer* [To Siberia. By Emma Pollmer]. [Online] Available from: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/primlit/erzaehl/reise/sibirien/nach-sibirien.php>. (Accessed: 14th September 2018).

15. May, K. (n.d.) *Deutsche Herzen – Deutsche Helden. Der Engel der Verbannten* [German Hearts – German Heroes. The Angel of the Exiles]. [Online] Available from: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/deutsche-herzen-deutsche-helden-5-der-engel-der-verbannten-6565/1>. (Accessed: 15th September 2018).

16. Erman, A. (1833–1842) *Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Ozeane in den Jahren 1828, 1829 und 1830* [Journey around the earth through North Asia and the two oceans in 1828, 1829 and 1830]. Berlin: Reimer.

17. Wolf, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Yevropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Translated from English by I. Fedyukin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. Koch, E. (1986) *Famoses Land, dieses Sibirien, und allerliebste Verhältnisse! Zum historischen Hintergrund von Mays Sibirien-Abenteuer in "Deutsche Herzen – Deutsche Helden"* [Famose's land, this Siberia, and dearest relationships! On the historical background of May's Siberia adventure in "German Hearts – German Heroes"]. [Online] Available from: <https://www.karl-may-gesellschaft.de/kmg/seklit/JbKMG/1986/185.htm>. (Accessed: 12th October 2018).

19. WRD. (n.d.) *Der Arzt von Stalingrad* [The doctor of Stalingrad]. [Online] Available from: <https://www1.wdr.de/stichtag/stichtag3186.html>. (Accessed: 24th October 2018).

20. Stepanova, E. (2010) "Pozhiva dlya moyego mg": sovremennaya nemetskaya literatura o voyne s sovetским союзом ["Gain for my MG": Modern German literature on the war with the Soviet Union]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 102. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html>. (Accessed: 24th October 2018).

21. Harder, M. (1999) *Erfahrung Krieg. Zur Darstellung des Zweiten Weltkrieges in den Romanen von Heinz G. Konsalik. Mit einer Bibliographieder deutschsprachigen Veröffentlichungen des Autors von 1943–1996* [The Experience of War. To the Illustration of the Second World War in the novels by Heinz G. Konsalik. With a bibliography of German-language publications by the author from 1943–1996]. Würzburg: Königshausen & Neumann.

22. Schenkel, E. (2005) *Das sibirische Pendel* [The Siberian Pendulum]. Eggingen: Isle, K.

23. Ebmeyer, M. (2009) *Der Neuling* [The Newcomer]. Zurich : Kein & Aber.